

© П. Д. СИМАШЕНКОВ, 2018

Самарский университет государственного управления

«Международный институт рынка»

(Университет «МИР»), Россия

E-mail: pavel.simashenckov@yandex.ru

СОЦИАЛЬНЫЙ СЕРФИНГ И ИСТОРИЧЕСКИЕ ТРАДИЦИИ ПАТРИОТИЧЕСКОГО ВОСПИТАНИЯ В РОССИИ

Статья посвящена сравнительному анализу теоретических подходов к осмыслению феномена социального серфинга молодежи. Рассмотрены зарубежные и отечественные концепции поведения молодежи в информационном обществе. По итогам проведенного исследования автором делается вывод о том, что социальный серфинг, помимо социологической, требует идеологической оценки — в ракурсе патриотического воспитания молодого поколения.

Ключевые слова: социальный серфинг, история России, патриотизм, молодежь, социальная мобильность, коммуникации.

Понятие «социального серфинга» молодежи до сих пор не имеет исчерпывающего определения, хотя отдельные аспекты освещены в западной (Д. Ирвин, К. Гриффин, Л. Фойер) и отечественной (И. А. Симонова, И. В. Воробьева, С. Н. Семянников и др.) научной литературе. Появление этого специфического тренда и широкое распространение в среде российской молодежи обусловило необходимость более детального его рассмотрения.

Цель исследования — провести сравнительный анализ концептуальных подходов к осмыслению феномена социального серфинга с точки зрения морально-нравственных ориентиров молодежи.

Объектом настоящего исследования является социальный серфинг в контексте отечественной системы традиционных духовных ценностей.

Предмет исследования — концептуальные воззрения на проблему, рассматриваемые в компаративном ключе.

Явление социального серфинга впервые было выявлено на Западе в конце прошлого века, однако некоторые его симптомы отмечали еще социологи чикагской (Е. Парк, Ф. Трешер, А. Коэн) и бирмингемской (А. Мак Робби, П. Виллис) школ — в смысле миграции и девиации [9]. Последнее обыкновенно трактуется зарубежными исследователями как элемент контр- и субкультур, протеста

против буржуазной системы ценностей. Приблизительно столь же односторонне это понималось и в постперестроечный период, когда отечественные ученые (В. А. Ядов, А. Б. Гофман) заимствовали многие подходы в изучении феномена социализации, разом отказавшись от якобы «идеологизированного» образа советской молодежи и попутно подвергая критике так называемый советский образ жизни [8]. Бирмингемская парадигма видела в молодежи не только «социально-производительные» ресурсы общества, но и его переустроителей, романтизируя социальные метания неформалов. В то же время от сторонников указанного подхода ускользнул момент потребительской психологии «поколения некст», представители которого во многом ориентированы на получение готового продукта, которым и пользоваться положено без проблем. Иными словами, это социальный паразитизм в чистом виде. В итоге акцент был смещен с идей на личные предпочтения (Д. Льюис, Д. Мьюглтон), что не исключало такого же подхода к трактовке результатов научных изысканий [12]. Узко и буквально истолковывая права человека, можно прийти к формированию из предпочтений целого «лайфстайла», включающего в себя не идейные и даже не психологические установки, а скорее — набор штампов, предлагаемых в представлении западных ученых «супермаркетом стилей» (К. Кэн-Харрис, Д. Бэннет). Естественно, подобные условия удобны для организаторов молодежных движений: от «невинных» поп-фанатов до радикальных исламистов.

Радикализмом характеризуется и сама постановка вопроса, когда молодежные проблемы предлагают осмысливать как следствие гипер-индивидуализма, якобы ставшего приметой времени. С другой стороны, искусственное дробление масс на условные группы и субкультуры позволяет обозначить столь же условно-новый подход [10] — выявление социального серфинга посредством констатации нездорового избытка плюрализма в социальной сфере. От этого происходит едва ли не интуитивное ассоциирование молодых людей с некоей «неназванной субкультурой» (термин Л. Г. Ионина [4]), которая, тем не менее, вполне объективна. Возможно, отчасти это связано с возрастными особенностями — своеобразной социальной дисморфофобией, предполагающей амбивалентное сочетание стремлений быть как все и в то же время не утратить индивидуальность. Таким образом, концептуальная эклектика отразилась и на конституировании социального серфинга. Пожалуй, единственное, что объединяет исследователей, это признание неустойчивости, лабильности — основой данного явления. Причины же видятся различными: от необязательности членства в какой-

либо группе — до психологической необязательности современной молодежи, возвращенной в безыдейной атмосфере [6]. Шаблоны альтернативного мышления мотивируют молодежь «испытать и перепробовать все», более того — ни на чем не фиксируясь. Стереотип «кручусь, чтоб избежать паденья» ярко иллюстрирует эту социальную патологию, где для сохранения равновесия главное не прекращать быть активным (эффект «велосипедиста»). Такая постральная неустойчивость — синдром своеобразного «социального паркинсонизма» — в духе молодежного культа «движухи» (стремления «зачекиниться» и «отселфиться» повсюду, чего бы оно ни стоило). На языке молодежной политики — слоган «Только вперед!», исповедуемый массами последователей форсайт-стратегий и сколковских тактик.

Клиническая картина социального серфинга осложняется еще и полит-эксцессами, отождествляющими карьерный рост с социальными лифтами. В этом плане небезынтересен так называемый рискологический подход (А. Н. Ильяшенко, Ю. А. Зубок), представляющий серфинг вынужденностью действия в обстановке экономической и социально-политической неочевидности [3], когда тренды и вызовы меняются очень быстро [2]. Скорее всего, отсюда и мода на «профессию чиновника», когда намного выгоднее угадывать желания начальства, чем стать специалистом и служить народу. Размытость «компетенций» в сфере государственного и муниципального управления способствует как поверхностному их освоению, так и скольжению на грани морали — лишь бы не нарушить букву циркуляра.

Еще один вариант взгляда на серфинг — гипотеза, согласно которой молодежи свойственно «пробовать на прочность этот мир каждый миг», т.е. превышать пределы и морали, и нравственности, и правовых запретов. Это трансгрессия, своего рода управляемый хаос (К. Андерсон, К. Хайвард), расширение границ ради их расширения. Недоверие и неприятие официозных шаблонов провоцирует не к поиску чего-то своего, а к бесхитростному отрицанию существующего. Здесь теория «сцен» Д. Ирвина перекликается с «теорией племен» (Д. Логан, Д. Кинг) в части неустойчивости социальных связей и переменчивости форм социального взаимодействия. Р. Хицлер развивает эти мысли, по-иному трактуя сами термины социализации, стратификации и институционализации, которые якобы утрачивают первоначальную значимость [11], заменяясь в молодежном сознании идеей симпатизирования ситуативным социальным конгло-

мератам, не создающим каких-либо традиций, а потому — культурных ценностей. Отсюда предпочтение ни к чему не обязывающим коммуникациям в социальных сетях (при огромной ценности самой возможности виртуально и анонимно коммуницировать).

Следовательно, ключевыми предпосылками серфинга можно назвать дискретность сообществ, ненасильственность ассоциирования с ними, коммуникативную активность, где полностью исключается соперничество. Следовательно, серфинг есть априори стратегия интеракций, основанная на отсутствии обязанностей, связь без связей, подвижность без подвижников. Анализируемое нами явление — это типичное проявление закона необходимости, т.е. той самой несвободы, против которой и выступает молодежь. Рынок развлечений, сетевой маркетинг, social media и прочие условия призваны создавать иллюзию «суверенитета личности» (на деле — формальную автономию индивида). Спрос на динамику рождает одноразовые проекты (в том числе и «социально значимые»), и на предложение нужно мотивировать аудиторию, т.е. создать спрос, искусственно раздувая значимость очередной псевдоинновации. Для таких циничных стратегий нет лучшей аудитории, чем молодежь (в силу возрастной страсти к переменам и эмоциональной лабильности).

Не согласимся с мнением И. В. Воробьевой и ее соавторов, утверждающих, что социальный серфинг есть серия *последовательных* переходов между некими посттрадиционными общностями [1], так как в этом случае результат был бы отчасти предсказуем, и серфинг воспринимался как причудливая траектория карьерного роста. В своем исследовании они противоречат сами себе, повествуя об отвержении благоприобретенных формальных коммуникативных компетенций — естественно, такое последовательностью не называют. Коллизия обозначается и в методологии исследования. Во-первых, не ясна постановка акцента — то ли на коммуницирование, то ли на «топологию событий». Во-вторых, внутри них акторы выступают некими поверхностными коворкерами. В итоге предлагается анализировать серферов междисциплинарно, на стыке социологии, психологии и философии. Нет сомнений, похожий тезис можно выдвинуть касаясь любого общественного явления.

По нашему мнению, выделение серфинга если где-то и оправдано, то в категории асоциальных девиаций, поскольку если он — новая мобильность, то это опасная тенденция, иллюстрирующая процессы распада в обществе, охваченном хаотичной суетой и потому не под-

дающемся объединению какими-либо «скрепами». Если он — новая коммуникабельность, то этот вариант не лучше первого ввиду преобладания формализма, который также никогда не содействовал сплочению в социуме. Иными словами, серфинг (если таковой и существует) вреден и требует изучения в контексте социального паразитизма и борьбы с ним. Одним словом, в клиническом исследовании редукции общественных отношений пока не разработано лучшего методологического подхода, чем марксистский.

Со временем поменялся субстрат (сейчас он коммуникативный), но не изменилась суть кочевого образа жизни — перемена мест детерминирована легкой и быстрой выработкой субстрата. Только в древности кочевники пасли скот, а сейчас недоросли «пасут» свое самолюбие. Поэтому в отличие от подражательных стилизмов 60-х годов XX века серферам не создать даже предпосылок культуры, так как они, скорее, относятся к популяции, а не к социальной группе. И популяции кочевой, а кочевникам патриотизм априори чужд. У данной популяции можно четко обрисовать классовую сущность (попрошайное бродяжничество — типичная люмпен-стратегия выживания). Одинаковая необразованность — лучшая предпосылка для возобновляемости «офисного планктона». Важно заметить, что именно эта категория молодых людей подпадает под разработанные И. В. Воробьевой, О. В. Кружковой и И. А. Симоновой характеристики российских серферов [1]. Следовательно, проблема не в надуманных трансгрессиях и посткоммуникациях, а в «лишних людях». Этот термин инвертирован, как и все в постперестроечной России: если онегины-печорины-бельтовы не были востребованы из-за своих высоких духовных запросов, то серферы — это не личности, а «расходный материал», массовка для флешмоба, причем не по своей инициативе (ее нет ввиду отсутствия собственного мнения) и не по собственным правилам. В советские времена таких называли «летунами» [7], не усматривая в них экзистенциальной сложности. Аморфность социальных связей есть прямая причина «отвязности» молодежи не только от традиционных институций, но и от ума, чести и совести. Так, исследование иеродьякона Моисея (мирское имя — С. Н. Семянников) [8] наглядно иллюстрирует деформацию базовых ценностей, и в первую очередь — семейных, в сознании российских школьников и студентов.

Таким образом, считаем, что назрела необходимость дать именно идеологическую оценку соцсерфингу, поскольку он в шаговой доступности от коллаборационизма и предательства. Несомненно, для

коррекции этого опасного явления не стоит пренебрегать отечественными наработками в сфере патриотического воспитания молодежи. Стабильность политическая зиждется на стабильности социальной, а та, в свою очередь, определяется незыблемостью основ. «Что считать столпами современного российского социума?» — этот вопрос куда более серьезный, чем выявление аксиологических параметров социального серфинга в социокультурном аспекте геополитических трансформаций (абсурдность терминологических нагромождений говорит сама за себя). По нашему убеждению, будущее России — в ее советском прошлом, понимаемом не обрядово, а принципиально, идеологически, и потому — творчески. Любовь к Отечеству начинается с осознания связи с ней.

Литература

1. Воробьева И. В., Кружкова О. В., Симонова И. А. Социальный серфинг: специфика ценностных ориентаций молодежи в современном обществе // Педагогическое образование в России. 2015. № 5. С. 45–50.
2. Зубок Ю. А. Теоретические проблемы социального развития молодежи в обществе риска // Безопасность Евразии. 2003. № 3 (130). С. 124–141.
3. Ильяшенко А. Н. Молодежь в транзитивном российском обществе 1990–2000-х годов // Общество и право. 2012. № 1. С. 269–273.
4. Ионин Л. Г. Социология культуры. СПб.: Питер, 2009. 167 с.
5. Семянников С. Н. Исследование особенностей духовно-нравственного состояния подростков при разных условиях воспитания: миссионерские выводы из пилотажного исследования // Социальное служение Русской православной церкви: проблемы, практики, перспективы: материалы Международной научно-практической конференции (г. С.-Петербург, 4–6 июня 2015 г.). СПб.: СПбГИПСР, 2015. С. 329–334.
6. Симашенков П. Д. Идеология и идеологический иммунитет // «Концепт»: электронный журнал. 2018. № 5 (май). С. 116–122. URL: <http://e-koncept.ru/2018/183027.htm>.
7. Симашенков П. Д. Компетентностный подход в кадровой политике: покушение с негодными средствами // Кадровик. 2018. № 11. С. 72–79.
8. Хузеева Г. Р. Социальная идентичность подростков и юношей в условиях транзитивности // Психологические исследования. 2016. Т. 9. № 46. С. 9. URL: <http://psystudy.ru>.
9. Badiou and the youth: settle or transgress // Summary of a conference by Alain Badiou to high school students on TRUE LIFE (07.09.2016 г). URL: terenceblake.wordpress.com/2016/09/07/badiou-and-the-youthsettle-or-transgress.
10. Hall S., Jefferson T. Resistance Through Rituals. Youth Subcultures in Post-War Britain. London : Hutchinson, 1976. 178 p.

11. Hitzler R. Leben in Szenen: Formen juveniler Vergemeinschaftung heute. Wiesbaden : VS Verlag für Sozialwissenschaften, 2010. 312 p.

12. Muggleton D. Inside Subculture: The Postmodern Meaning of Style. New York, 2000. 198 p.

*Статья поступила в редакцию 30.10.18 г.
Рекомендуется к опубликованию членом Экспертного совета
канд. социол. наук, доцентом Т. П. Карповой*